

В ДЕНЬ рождения Федора Ивановича Шаляпина, 13 февраля, в столице Татарстана завершился девятнадцатый по счету Международный оперный фестиваль.

Казань — удивительное место на карте культурных ценностей. Здесь, в колыхе рек Волги, Казанки и озера Кабан, на пересечении Востока и Запада, природа генерировала многое из того, что люди называют вечным и что остается в веках. Таков феномен Шаляпина, абсолютного самородка, которому было написано на роду коренным образом изменить всю систему координат современного оперного театра. Но Казань — не только родина Шаляпина. Этому краю суждено было стать колыбелью фестивального движения в российской провинции — именно здесь, на Театральной площади, в Театре имени Мусы Джалиля (великолепное сооружение архитекторов Скорцова и Гайнутдинова в имперском стиле строилось 20 лет и открылось в 1956-м представлением мелодичной оперы-сказки «Алтынчеч»), вызревала и выкристаллизовывалась фестивальная модель, которую скопировали все возникшие в дальнейшем оперные фестивали других регионов. Суть модели проста, но феноменально продуктивна и, в общем-то, неисчерпаема: драматургию фестиваля организует не столько сочетание спектаклей,

Импресарио охотно покупают по более чем умеренной цене качественно сделанные Богему», «Травиату» и «Кармен» с участием достаточно знаменитых по работе с Гергиевым марининских солистов или, например, «Бориса Годунова», представляющего собой уменьшенную копию спектакля Большого театра с декорациями Федоровского. Подобным же путем конвейера, сосредоточенного на гастрольях и фестивале, идет балетная труппа театра (в сей момент она в турне, а в мае — традиционный Нуриевский фестиваль).

Художественная политика Казанской оперы напрямую связана с обстоятельствами ее нынешнего бытия. Комплекс, создаваемый в течение стольких лет, жестко диктует свои непреложные условия. Спрос рождает предложение — эксперимент непопулярен, авангардная постановка в Казани больше трех раз публики не соберет, а за границей наш доморощенный авангард никому не нужен. Режиссерский театр и авторские спектакли с приращением новых смыслов противопоставлены этой системе координат (за этим пожелать в Германию или в Зальцбург), в частности, и по такой утилитарной причине, что за одну репетицию ввести приезжих гастролеров можно только в консервативные, общепринятые спектакли. Этого ждет публика, только это покупают импесарио. Эстетика спектаклей однозначна. Консерватизм и качество. На первом плане музыка и добротная станковая сценография. Для отечественного, шалья-

фестивальная красавица — петербургское меццо из МАЛЕГОТа Юлия Герцева — предстала в облике «гордой полячки» Марины Мнишек, осиная талия и импозантность сочетались с драматически выразительным пением. Тоской была Валентина Цыдыпова из Марининского театра, Любашей в «Царской невесте» — Татьяна Ерастова из Большого.

Пять дней кряду длился бенефис другого солиста Мариники, баритона-богатыря Виктора Черноморцева — и всякий раз он был разный и рассказывал о разном. Его стихийный русский разбойник Грязной с легкостью перевоплотился в плотоядного развратника Скарпи, а потом обернулся очень серьезным, сочувствующим Томским, но самым неожиданным стало явление Черноморцева в, казалось бы, чуждом его эпической органике образе папаша Жермона, где он неожиданно высветил свою актерскую и вокальную палитру и фразу вел по-итальянски певуче, соединяя одну длинную лигу с другой без малейших швов. Своим Фигаро покорила публику обаятельный, динамичный Владимир Самсонов из Мариники. Событием для Казани было долгожданное выступление Теймураза Гугушвили в его коронной роли Каварадосси — такие теноры сегодня на вес золота. Самозванца пел экс-солист Большого Владимир Богачев, выступающий теперь на главных сценах мира в амплу героического тенора, однако его соло в вердиевском Реквиеме не сделало бы чести никакому тенору. Сильно сдал пози-

ТЕАТР ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Шаляпинский оперный фестиваль в Казани

Независимая газета. — 2000. — 17 февр. — с. 7

сколько сквозная идея имени (Шаляпин в Казани, потом и в Уфе, Михайлов — в Чебоксарах, Собинов — в Саратове и Ярославле, Пушкин — в Нижнем etc.). Гирлянды приглашенных гастролеров, собственно, и становятся главной приманкой для театральной публики, уставшей от размеренного чередования местных звезд.

ПО ЕВРОПЕЙСКОМУ ОБРАЗЦУ

Первый шаляпинский фестиваль состоялся в Казани в такое «глухое» время, как 1982 год, когда, кроме столичных «Русской зимы» да «Белых ночей» мы ничего другого и не знали. С того времени в фестивальных спектаклях успели выступить Ирина Архипова, Ирина Богачева, Людмила Филатова, Тамара Синявская, Мария Биешу, Лариса Шевченко, Любовь Казарновская, Александр Ведерников, Владислав Пьявко, Артур Эйзен, Николай Охотников, Булат Минжилкиев, Леонид Сметанников, Дмитрий Хворостовский, Николай Путилин... Участвовали в фестивале зарубежные солисты и дирижеры, пусть и не первой руки, но качественные.

Стопроцентно воплотив в жизнь фестивальную идею, Казанская опера во главе с энергичными и деятельными лидерами (директор Рауфаль Мухаметзянов, художественный руководитель оперы Гюзель Хайбулина) решила изменить сугубо стационарный стиль работы и обратилась к одному из распространенных европейских образцов, существующему, скажем, в Венской опере, суть которого в сочетании принципов традиционного репертуарного театра (несколько разных названий в течение месяца) с контрактной системой приглашения артистов из разных стран и республик. Жизнедеятельность спектаклей, исполнение вторых партий и «кушать подано» (но иногда и первых партий) обеспечивает компактная штатная труппа, резко сокращенная в ходе реформ. Все держится на гастролерах и на магии их имен. И сегодня даже в спектаклях повседневного репертуара в Казани «играет сборная СНГ», у театра есть возможность (в том числе финансовая) приглашать любых солистов из любых городов на свое усмотрение. Естественно, выбор певцов в Казани (как и везде) основан на конкретных вкусовых предпочтениях, но, как говорится, о вкусах не спорят. Принципиально другое — ежевечернее разноцветье интернациональной ярмарки голосов со всего бывшего СССР. Столь мощное ностальгическое оперное единение сегодня имеет место, видимо, только в Казани. Ну где еще всего за десять фестивальных вечеров услышишь в одной компании певцов из Украины, Молдовы, Грузии, Азербайджана, Литвы, Казахстана и Бурятии? Одним словом, театр дружбы народов в действии.

Но и этого Казанской опере оказалось недостаточно. Она решила прорубить окно в Европу. Именно на это сработала уже созданная к тому моменту система приглашенных звезд и ходокового репертуара на языке оригинала и в консервативной постановочной обертке. Если сбросить с весов Маринку, то Казанская опера сегодня по праву стяжала лавры самой гастрوليрующей оперной компании из России — в поездках по Германии, Голландии и Дании театр проводит несколько месяцев в году. Конечно, это прежде всего так называемый «чес» по столичным городам, но бывают выступления и в крупных залах типа амстердамского «Карре».

«Борис Годунов» на сцене Казанского оперного театра. Самозванец — Владимир Богачев, Марина Мнишек — Юлия Герцева. Фото Николая Чумакова

пинского репертуара — помпезный стиль великорусской «большой оперы» в его охранительном варианте (точные копии спектаклей Большого: «Борис Годунов», «Пиковая дама», «Князь Игорь», «Царская невеста»). Для западных покупателей (уже упомянутые названия плюс «Севильский цирюльник» и «Тоска») — слегка разбавленная «психологическими взаимодействиями» схема концерта в костюмах. Еще великий старец Верди говорил: опера — для публики. И Казань следует этому величайшему из правил — нравиться своей публике. Билеты на Шаляпинский фестиваль раскупаются всего за два дня.

БЕНЕФИСЫ И СРЫВЫ

Прошлогодний фестиваль проходил под знаком двух юбилеев — 125 лет опере в Казани и 60 лет Театру имени Джалиля. Нынешний удостоился посещения президента Минтимера Шаймиева — никого не предупреждая, он решил посетить «Травиату». И не прогадал, ибо в тот вечер пел «казахский соловей» — фантастическая Нуржамал Усенбаева. Как часто Виолетту изображают прости-туткой, вульгарной львицей или какой-нибудь роковой женщиной. «Красивая и молодая» Усенбаева отмахивается в сторону всю грязь и посылает со сцены только мягкость, только нежность. Лиризм, интеллигентность, деликатность — вот ее дама с камелиями. Волнующее колоратурное сопрано Усенбаевой не знает технических проблем, обладает насыщенной, сочной серединой и начисто лишено каких бы то ни было неприятных призвуков в верхнем и нижнем регистре. Ницуть не меньше покорила публику и строгих знатоков другая героиня фестиваля — бархатистое лирическое меццо-сопрано из Киева Анжела Швачка (Кармен). Третья

пий петербуржец Юрий Марусин, дежурный казанский Герман — особенно мучительно было слушать его безвibrатное, на грани срыва пение в «Кармен». Обожающие казанской публики не избавляет москвичка Ахмеда Агади (Альфред в «Травиате», Рудольф в «Богеме») от существенных технических проблем.

Что же до самой казанской труппы, то у нее всегда была репутация голосистой. Светлана Смирнова своим холодново-кристалльным лирическим сопрано нарисовала царскую невесту сильной личностью, небезуспешно штурмовала тесситурно-колоратурные препятствия партии Альмавивы Георгия Ковриков. В среднем поколении лидируют Елена Михайлова (сопрано в Реквиеме) и Венера Ганева (удачнее всего она спела Розину), незаметным в небольших партиях баритон с хорошей внешностью Владимир Бессребренников. В старшем определено выделяются задушевно-лиричная (даже в партии страшной Графини) Галина Ластовка и колоритная Клара Хайрутдинова (Домна Сабурова, Шинкарка). Но козырная карта театра, конечно же, — молодой бас Михаил Казаков, ставший недавно лауреатом конкурса Образцовой и получивший Гран-при последнего конкурса имени Глинки. Это настоящий самородок шаляпинского типа. Он пока что студент Казанской консерватории, но выглядит уже сложившимся мастером, в чем все убедились в Реквиеме Верди, где такие известные артисты, можно сказать, звезды мировой оперы Нина Терентьева и Владимир Богачев рядом с Казаковым выглядели не слишком впечатляюще. Что ж, да здравствуют Шаляпины XXI века. Может быть, слишком смело, но пометать не вредно.

Казань—Москва